

ЗВУЧИ, ПАМЯТИ НАБАТ!

(Под звук метронома на сцену выходят чтецы.)

- Тем, кто шел в бой за Родину, выстоял и победил...
- Тем, кто согревался дыханием в стужу блокадных ночей...
- Тем, кто вместе с дымом улетал из бухенвальдских печей...
- Тем, кто на речных переправах шел, словно камень ко дну...
- Тем, кто на века безымянным канул в фашистском плену...
- Тем, кто ради правого дела сердце отдать был готов...
- Тем, кто под машины ложился вместо понтонных мостов...
- Всем тем, кто ушел в бессмертие и победил, посвящается!..

(Звучит песня из к/ф «Офицеры» (От героев...) в исполнении ансамбля «Акварель»)

(Двое выходят к микрофонам.)

- Из воспоминаний Юлии Друниной.

Когда началась война, я ни на минуту не сомневалась, что враг будет молниеносно разгромлен. Больше всего я боялась, что победа будет одержана без моего участия. И вот – середина октября, враг уже под Можайском. Мне предстоит сказать отцу, что я ухожу на фронт...

Папочка, я должна сказать тебе... Мы договорились с подругами завтра утром пойти в райком комсомола, говорят, там берут несовершеннолетних в школы радистов и диверсантов.

- Юля, ты сошла с ума! Война – не место и не время для проявления романтических чувств. Предназначение женщины – рождать жизнь, а не проливать кровь – свою и чужую.

- Знаешь, как больно задела меня слова вернувшейся из-под Смоленска Райки: «Неплохо окопались в тылу!» Как потом, после войны, я буду смотреть в глаза близким тех, кто погиб?

- Воевать на фронте должны здоровые мужики, а не такие козявки, как ты, Юлечка!

- В глазах отца стояли слезы, вид был, как перед сердечным приступом, и я сдалась... Я попала в беспощадную фронтовую мясорубку уже после смерти отца, в конце 1943 года, став санинструктором 2180-й стрелковой дивизии.

Страшные будни войны навсегда остались в моей памяти:

Я только раз видала рукопашный,

Раз наяву – и тысячу во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне!
(Уходят.)

(Звучит фрагмент из Седьмой симфонии Шостаковича. Выходит чтец.)

- Медный грохот, дымный порох,
Рыжелипкие струи,
Тел ползущих влажный шорох...
Где чужие? где свои?

Все едины, всё едино,
Мы ль, они ли... смерть – одна.
И работает машина,
И жует, жует война...

(Двое выходят к микрофонам.)

ЧТЕЦ - Рита Осянина знала, что рана ее смертельна и что умирать она будет долго и трудно. Пока боли почти не было, только всё сильнее пекло в животе и хотелось пить, но пить было нельзя, и Рита просто мочила в лужице тряпочку и прикладывала к губам. Когда выстрелы стихли, Рита заплакала. Плакала беззвучно, просто по лицу текли слезы: она поняла, что Женьки больше нет. А потом и слезы пропали. Отступили перед тем огромным, что стояло сейчас перед ней, с чем нужно было разобраться, к чему подготовиться. Холодная, черная бездна распахивалась у ее ног, и Рита мужественно и сурово смотрела в нее. Она не жалела себя, своей жизни и молодости, потому что всё время думала о том, что было куда важнее, чем она сама.
(Уходит.)

ВАСКОВ – Как ты, Рита?

РИТА – Ничего... Женя погибла?

ВАСКОВ – ... Мешков наших нет. Ни мешков, ни винтовок. Либо с собой унесли, либо спрятали где.

РИТА – Женя сразу умерла?

ВАСКОВ – Сразу... Они ушли, за взрывчаткой, видно. Не победили они нас, понимаешь! Я еще живой. Меня еще повалить надо! *(Стиснув зубы, застонал от боли.)*

РИТА – Болит?

ВАСКОВ – Здесь у меня болит *(показывает на грудь)*! Положил ведь я вас, всех пятерых положил. А за что? За десяток фрицев?

РИТА – Ну зачем так? Всё же понятно – война.

ВАСКОВ – Пока война – понятно, ну а потом, когда мир будет? Тогда поймут, почему вам умирать приходилось? Почему я фрицев этих дальше не пустил, почему такое решение принял? Что ответить, когда спросят, что же вы, мужики, женщин от пуля защитить не смогли? Что же это вы со смертью их оженили, а сами целёхоньки? Дорогу Кировскую берегли на Беломорканал? Так там тоже, поди, охрана, там ведь людишек куда побольше, чем пятеро девчат да старшина с наганом.

РИТА – Не надо, Родина ведь не с канала начинается, совсем не оттуда. А мы ее защищаем. Сначала ее, а уж потом канал.

ВАСКОВ – Да... Ты полежи покуда, я вокруг погляжу, а то наткнутся и конец нам. *(Достает наган.)* Возьми наган. Два патрона, правда, осталось, но все-таки спокойнее с ним.

РИТА – Спасибо тебе. Просьбу мою последнюю исполнишь?

ВАСКОВ – Нет.

РИТА – Бессмысленно это. Всё равно ведь умру. Только намучаюсь.

ВАСКОВ – Я разведку проведу и вернусь. К ночи до своих доберемся.

РИТА – Поцелуй меня.

(Васков неуклюже целует ее в лоб.)

РИТА – Колючий. Иди! *(По ее щекам катятся слезы.)*

(Васков уходит. Раздается выстрел. Звучит музыка.)

(Песня «Дора-дора, помидора» в исполнении Юлии Пановой)

(Звучит метроном. Двое выходят к микрофонам.)

ЛЕЙТЕНАНТ – Об Асе, девочке из блокадного Ленинграда, я не забывал. Стоило мне опустить веки, и она вставала у меня перед глазами.

(Музыка.)

АСЯ – Это вы?

ЛЕЙТЕНАНТ – Я...

АСЯ – Правда, вы?

ЛЕЙТЕНАНТ – Я! Я...

АСЯ – Странно!..

ЛЕЙТЕНАНТ – Она говорила почти беззвучно, и мне показалось, что я не расслышал ее. Я нашел ее в конце огромной многокомнатной квартиры. Входя, я хотел постучаться, но заметил, что дверь не заперта, и сам отворил ее. В ту зиму двери квартир часто не запирали – слишком трудно идти отворять.

АСЯ – Как странно, правда? Как странно, что я опять проснулась. Как странно, что вы тут. Как странно всё... Как странно, что я умираю.

ЛЕЙТЕНАНТ – Вы не умрете.

АСЯ – Я тоже всем так говорила. И все они умерли. Я всё знаю о смерти и ничего не знаю о жизни... Странно, правда?

ЛЕЙТЕНАНТ – Сейчас будет тепло. Уже тепло. Вы разве не чувствуете?

АСЯ – Нет, не чувствую... Я рада, что вам тепло. А я не чувствую ни рук, ни ног, будто их нет. Меня нет, а голова светлая, не потухает. И я жду, когда она потухнет. Пока мама была жива, я всё могла. Ходила за хлебом, носила воду, топила печки. И не только для мамы – для всех. Я все печурки в доме знала. Я не хотела, чтобы умирали, я хотела, чтобы жили, жили, жили... Мама перед смертью кричала и плакала. Ничего не понимала, меня не узнавала, ей было больно... А мне совсем не больно...

Когда мама перестала кричать и заледенела, я перенесла ее в ту комнату и положила на пол. И упала. Ноги совсем перестали держать....

Я все-таки приползла оттуда. Я ползла целый час...

ЛЕЙТЕНАНТ – Когда это было?

АСЯ – Не знаю. Давно.

ЛЕЙТЕНАНТ – Вчера?

АСЯ – Нет, не вчера. Гораздо раньше. Прошла неделя. Нет, дня три или четыре. Если бы прошла неделя, остановились бы часы... Вот я умру, а часы будут идти...

ЛЕЙТЕНАНТ – Вы не умрете. Смотрите, что я принес! Каша! Много каши!

АСЯ – А... Вы не съели сами и принесли мне. А мне не нужно... Вы ешьте, а я посмотрю, как вы будете есть.

ЛЕЙТЕНАНТ – Вы! Вы будете есть!

АСЯ – Я не могу. Вот. Поглядите.

ЛЕЙТЕНАНТ – Я не сразу понял, на что она просит меня поглядеть, потому что было уже темно и я смутно видел ее.

АСЯ – Вот. Протяните руку. Под подушкой.

ЛЕЙТЕНАНТ – У вас есть хлеб?!

АСЯ – Скушайте!

ЛЕЙТЕНАНТ – А вы? Почему вы не съели?

АСЯ – Не могу. Не глотается. Проглочу – и всё назад.

А я знаю, что это значит.

ЛЕЙТЕНАНТ – Я тоже это видел много раз и знал, что, если у человека не осталось желудочного сока, он больше никогда не будет есть. И все-таки я продолжал настаивать. Каша! Не сухой хлеб, а мягкая горячая каша!

АСЯ – Не надо... Капли падали... Сегодня солнце светило в окно, и я видела, как падали капли. Тени капель, сверху вниз. На солнце уже тает.

ЛЕЙТЕНАНТ – Совсем еще мало...

АСЯ – Придет весна. А я ее не увижу... Когда я умру, мне станет все равно, ведь правда? Кого нет, тому все равно... Правда?

ЛЕЙТЕНАНТ – Правда.

АСЯ – Вы последний, кого я вижу... Я думала: неужели ко мне никто не придет? Это было бы слишком несправедливо. И вы пришли.

Скажите, вы когда-нибудь любили? И вас уже любил кто-нибудь? Как это, наверное, хорошо, когда тебя любят и ты любишь? Скажите мне...

ЛЕЙТЕНАНТ – Но я ничего ей не сказал. К моим тридцати годам уже и я любил, и меня любили, и не раз. Это бывало запутанно и больно... Но я не мог объяснить это ей, еще не любившей.

АСЯ – Я один день любила мальчика, с которым качалась во дворе на качелях. Мы так раскачали доску, что чуть не влетели в окно третьего этажа. Когда он летел вверх, он нагибался ко мне, и я видела, что он хочет меня поцеловать... Больше я никогда не буду качаться на качелях...

Поцелуйте меня, пожалуйста, вместо того мальчика.

(Лейтенант целует Асю. Звучит музыка.)

(Песня «Дети войны» в исполнении хора «Лира»)

(Звучит мелодия песни «Эх, дороги...». Выходит чтец.)

- Идти устали маленькие ноги,
Но он послушно продолжает путь.
Еще вчера хотелось близ дороги
Ему в ромашках полевых уснуть.
И мать несла его, теряя силы.
В пути минуты длились словно дни.
Всё время сыну непонятно было,
Зачем свой дом покинули они,
Что значат взрывы, плач, дорога эта,
И чем он хуже остальных ребят,
Что на траве зеленой у кювета,
Раскинув руки, рядом с мамой спят.
Как тяжело выслушивать вопросы!
Могла ли малышу ответить мать,
Что этим детям, спящим у березы,
Что этим мамам никогда не встать.
Но сын вопросы задавал упрямо,
И кто-то объяснил ему в пути,
Что это спали не живые мамы –
От бомбы не успевшие уйти.
И он задумался под лязг машин железных,
Как будто горе взрослых понял вдруг.

В его глазах, недавно безмятежных,
Застыл уже осознанный испуг.
Так детство кончилось. Он прежним больше не был.
Он шел и шел. И чтобы мать спасти,
Смотрел угрюмо за июльским небом
Мальш, седой от пыли, лет шести.

(Продолжает звучать мелодия песни «Эх, дороги...». Выходят чтец и хор.)

- В палате выключили радио,
и кто-то гладил мне вихор...
В зиминском госпитале раненым
давал концерт наш детский хор.
Уже начать нам знаки делали.

Двумя рядами у стены
стояли мальчики и девочки перед героями войны.
Они, родные, некрасивые,
с большими впадинами глаз, и сами жалкие, несильные,
смотрели с жалостью на нас.

В тылу измученные битвами, худы, заморены, бледны,
в своих пальтишках драных были мы для них героями войны.
О, взгляды длинные, подробные! О, сострадание сестер!

Но вот:

«Вставай страна огромная!» - запел, запел наш детский хор.

(Хор поет «Священная война». 1 куплет и припев.)

А вот запел хохол из Винницы.
Халат был в пятнах киселя, и войлок сквозь клеенку выбился на черном ложе костыля.
Запел бурят на подоконнике, запел сапер из Костромы.

Солдаты пели, словно школьники, и, как солдаты, пели мы.
Все пели праведно и доблестно –
и няня в стареньком платке, и в сапогах кирзовых докторша,
забывши градусник в руке.
Разрывы слышались нам дальние, и было свято и светло... Вот это всё и было
Армия.
Всё это Родину спасло.

(Хор поет припев песни «Священная война». Все выходят на сцену.)

- Не танцуйте сегодня, не пойте.
В предвечерний задумчивый час
Молчаливо у окон постоите,
Вспомните погибших за нас.

- Там, в толпе, среди любимых, влюбленных,
Среди веселых и крепких ребят,
Чьи-то тени в пилотках зеленых
На окраины молча спешат.

- Им нельзя задержаться, остаться –
Их берет этот день навсегда,
На путях сортировочных станций
Им разлуку трубят поезда.

- Окликать их и звать их – напрасно,
Не промолвят ни слова в ответ,
Но с улыбкою грустной и ясной
Поглядите им пристально вслед.

(Песня «Письмо из 45-го» в исполнении Анастасии Лагутовой)